

Каневская

Что вы знаете о своих предках, более далеких, чем бабушка и дедушка?

К сожалению, абсолютно ничего. Видите ли, мне самой уже столько лет, что странно, что я вообще что-то помню. Но дело не в том, что я про них забыла, родители ничего про них и не рассказывали.

Тогда расскажите про бабушек и дедушек.

Мой дедушка с материнской стороны умер в 1916 году. Родители отца умерли во время Первой мировой войны.

А где они жили?

Моя мама родом из Львова. Там ее родители и жили. Жили они не в самом городе, но в каком-то ближайшем пригороде. Это была Галиция, поэтому мама прекрасно знала немецкий язык. А папа родился в тех местах, которые теперь называют Западной Беларусь. В те времена это была Польша. Там есть такой город Ломжа, недалеко от Гродно. Вернее, родился он в Иркутске, но сразу после рождения семья переехала в Ломжу.

А как они очутились в Иркутске?

Мой дед занимался какой-то торговлей, и эти дела привели его в Иркутск. Они жили там какое-то время. Подробностей, к сожалению, не знаю. Потом они переехали в Ломжу, там и жили.

А когда родились Ваши бабушки и дедушки?

Не могу сказать. Знаю только, что мамин отец прожил около 77 лет, а мамина мама умерла в 33 года. Дед намного пережил свою жену. А папины родители умерли примерно в одном возрасте. Между 75 и 80 годами. И больше ничего я о них не знаю.

А как их звали?

Не знаю. Могу судить только по отчествам моих родителей. Деда со стороны отца звали Абрам, а со стороны мамы

А ваша фамилия это фамилия по отцу?

Нет это фамилия моего первого мужа. Фамилия моего отца Еленевич.

А как девичья фамилия мамы?

Кессельман.

Чем занимались ваши дедушки и бабушки?

Бабушки, естественно ничем не занимались, сидели дома, рожали детей и вели хозяйство. Папин отец занимался торговлей. Мамин отец, если я не ошибаюсь, тоже чем-то торговал.

На каких языках они говорили друг с другом?

На идиш. Еще знали польский язык.

Знаете ли Вы, как одевались бабушки и дедушки?

Как они одевались, я не знаю. Знаю, что хасидами они не были. Они соблюдали традиции, отмечали праздники и т. д. Бабушки парики не носили.

Знаете ли вы что-нибудь про их дом, быт и т. д.?

Ничего не знаю.

Был и у них сад?

У родителей моей мамы был сад. У них всегда был хороший урожай вишен и яблоч. Не помню, держали ли они домашних животных, мне почему-то кажется, что у них были птицы.

Были ли у них помощники по хозяйству?

Нет, у них был не тот уровень благосостояния.

Мои бабушки и дедушки были верующими людьми, но без фанатизма.

Носили ли ваши дедушки бороду или пейсы?

Нет.

Что Вы знаете об их политических взглядах?

Понятия не имею.

Об их отношениях с соседями.

Ничего.

Они ездили отдыхать?

Нет никогда.

Знаете ли вы что-нибудь об их братьях и сестрах?

Нет.

Рассказывали ли Ваши родители какие-нибудь истории из своего детства?

Нет.

Вспомнила, что родители моего отца держали коз. У них была огромная семья. Пятнадцать детей, но дожили до взрослого состояния только четверо. Все остальные умирали в раннем детстве. Четверо выживших умерли при трагических обстоятельствах. Мой отец в блокаду от голода. Его брат жил в Америке, работал там инженером и погиб при испытаниях какого-то механизма. Сестры погибли во время войны в Польше.

Где вы родились?

В Берлине.

Как получилось, что вы родились в Берлине?

Мой отец-участник первой империалистической войны. В 1912 году он был мобилизован на действительную военную службу. Службу он проходил в Сибири. А в 1914 году, когда он вот-вот должен был мобилизоваться, началась война. Его отправили на фронт, а в конце 1915 года он попал в плен. Пока он был в плену, умерли его родители. Отец знал, что дома его никто не ждет. В Берлине жила сестра отца с семьей, кстати, она была настоящая красавица. Отец поехал в Берлин без копейки денег в кармане. В Берлине, в каком-то кафе или пивной он сел играть в карты. Ему повезло: он выиграл 14 марок. Это была его последняя игра на деньги. Он не был азартным игроком, выигранные 14 марок были ему действительно жизненно необходимы. Вот с этой ничтожной суммы он начал новую жизнь в новой стране. В Германии в те годы была страшная инфляция. Отец ездил по деревням, покупал картошку, потом продавал ее в городе. Ничего другого он в то время делать мог, у него не было никакой специальности. Это потом он стал хорошим специалистом по тканям. Он даже меня выучил. Я до сих пор хорошо разбираюсь в тканях.

А как попала в Берлин ваша мама?

Моя мама уехала из дома в 1905 году. У нее была злая мачеха, все дети дедушки от первого брака разъехались. Мама уехала в Берлин. Сначала она устроилась работать поваром в еврейский ресторан, потом она стала шеф-поваром. В Берлине они встретились с папой. Поженились они в 1922 году. Разумеется, став замужней женщиной, мама тотчас же бросила работу.

Много ли евреев жило в Берлине? Была ли там еврейская община?

В Берлине жило очень много евреев. Еврейская община Берлина была не только очень большой, (самой крупной в Германии) но и очень влиятельной. Первые евреи появились в Германии в 16 веке. Она и сейчас довольно значительная, разумеется, в основном, за счет евреев, приехавших туда из СНГ. У меня в руках Путеводитель по еврейскому Берлину, 1987 года издания.

Расскажите про синагоги, раввинов, миквы и т. д.

Когда мы жили в Берлине, там было 18 синагог, в том числе и хасидские, и реформаторские, и сефардские. Причем, это только общинные. А были еще и частные синагоги. Их было 21.

Какое влияние оказывала жизнь еврейской общины на вашу жизнь? Какое участие ваша семья в ней принимала?

Я выросла в религиозной семье. Фанатиков, правда, в нашей семье не было. Но мы всей семьей ходили в синагогу. Мы учились в еврейской школе. Все предметы в нашей школе велись не немецком языке, за исключением иврита и библейской истории.

Школа наша была восьмилетней. После пятого класса некоторые дети уходили в лицеи и гимназии.

Были, разумеется, шойхеты, но их услугами мало кто пользовался, потому что было огромное количество еврейских магазинов, где продавалось кошерное мясо.

Была ли какая-то обособленная местность, где селились евреи?

Нет. Но там был еврейский квартал. Там жила еврейская беднота, квартал был очень грязным. Но людей никто не заставлял там жить. Мы-то жили не там, мы жили в центре города.

Было ли какое-то типичное занятие для евреев?

Нет. Все занимались разными делами. Было много евреев-ремесленников. Многие занимались торговлей, было много юристов, банкиров, врачей. Еврейские эмигранты из России были, в основном, людьми образованными.

Что вы помните о политической обстановке того времени?

Мой отец был политически подкованным человеком. Я была ребенком, а он уже учил меня читать газеты. Политику в то время определяли, в основном, социал-демократы. Мой отец сочувствовал коммунистам. Коммунисты никогда не занимали первого места на выборах, обычно второе или третье. Мама всегда была абсолютно вне политики. Хочу сказать, что ностальгия для моего отца не была пустым звуком, он очень хотел в Россию. Правда, он не знал, что творилось в СССР. Ведь Октябрьская революция произошла, когда он был в плену.

Испытывали ли вы какие-нибудь проявления антисемитизма?

До поры до времени нет. Я имею в виду до 1933 года.

Помните ли Вы какие-нибудь военные парады или патриотические праздники?

Я помню митинги под предводительством Тельмана. Было это в 1931 или 1932 году.

Папа взял нас с сестрой на этот митинг. Дело происходило на площади, где находился штаб или Центральный Комитет коммунистической партии. Во время выступления Тельмана началась стрельба. Это полиция выстрелами разгоняла собравшихся. Папа схватил нас в охапку, мы убежали и спрятались в подворотне. Когда мы вернулись домой, мама устроила отцу большой скандал, хотя наша мама никогда не ругалась. Она сказала отцу: « В следующий раз иди сам, куда хочешь, а детей не трогай». А нам не было страшно. С папой ничего не было страшно.

Вы учили в детстве какие-нибудь патриотические песни?

Нет, не припомню.

Опишите рыночный день в Вашем городе.

Мне кажется, что в таком огромном городе как Берлин, нет понятия «рыночный день». Во всяком случае, несмотря на то, что мы жили очень близко от рынка, я не помню, чтобы в какие-то определенные дни там происходило что-либо особенное. Мы очень редко ходили на рынок. Из года в год мы ходили в одни и те же магазины. Мясо покупали у мясника, там же и колбасу. Хлеб, булку и венские булочки по утрам разносили по квартирам. До сих пор я помню запах и вкус этих булочек. Молоко покупали в нееврейском магазине. А вот хозяевами магазина колониальных товаров были евреи. Нас, детей частенько посылали в магазины, но денег не доверяли. Хозяева магазинов записывали купленные товары в долг, а уж родители потом расплачивались. На рынок ходили только за свежей рыбой.

А мама вкусно готовила?

О, мама была прекрасной кулинаркой!

Помните ли Вы какие-нибудь важные политические события того времени?

Я не помню никаких политических событий до прихода к власти фашистов, если не считать разгона митинга, о котором я уже рассказывала.

Сейчас мы переходим к рассказу о ваших родителях. Мне кажется, что сейчас будет уместно вспомнить о приходе к власти фашистов.

В январе 1933 года мы с братом заболели скарлатиной. В те годы это была тяжелая болезнь, и нас положили в больницу. Лежали мы в инфекционном отделении, которое находилось на первом этаже, чтобы посетители могли общаться с детьми через окно. Родители приходили к нам три раза в неделю. Однажды пришел папа и сказал мне: «Знаешь, ты на нас не обижайся, но, может быть, мы не сможем приходить к вам так часто, сейчас в городе очень беспокойно. К власти пришел Гитлер, а это фашизм.

Я уже слышала про фашизм. Мы с сестрой отдыхали в 1932 детском доме отдыха и видели марширующих коричневорубашечников, распевających Horstvessellied и Deutschland, Deutschland ueber alles. Чисто интуитивно я поняла, что это что-то страшное и плохое. В этом была очень сильная агрессия. Ведь дети понимают гораздо больше, чем думают взрослые.

Первым из больницы выписали брата. У меня случилось осложнение на почки, меня оставили в больнице. Кстати, все врачи были евреями.

Потом я тоже вернулась домой, нам казалось, что жизнь вошла в обычную колею, но это было далеко не так.

31 марта вечером, это была пятница, к нам в квартиру ворвались 15 человек и стали избивать отца. Мама схватила сестру и побежала за помощью в полицию. Но полиция уже явно была на стороне этих бандитов. Брата, которому было полтора года, забрала к себе соседка, вдова, очень крупная женщина. Она положила малыша к себе на живот, и его не стало видно. Избиение отца продолжалось на моих глазах. Вдруг в квартиру вбежала другая наша соседка, жена эсэсовца. Она стала кричать на погромщиков: «Что вы делаете, чем перед вами провинились эти люди?» Она увела меня к себе. И плевать она хотела на убеждения своего мужа, когда речь шла о спасении ребенка. В их семье был сын, ужасный хулиган, младше меня на год. Как раз, когда мы с братом лежали в больнице, он упал со строительных лесов и переломал себе руки и ноги. Так вот этот хулиган, еще не окончательно вылечившийся после травм, подошел ко мне, утер мои слезы и сказал: «Ты не бойся, Зента, все будет хорошо». Я-то уже видела, как будет хорошо! Соседка напоила меня крепким сладким чаем, дала каких-то успокоительных капель. Потом проводила домой.

А что тем временем происходило с Вашим отцом?

Отца его мучители увези в одну из близлежащих пивных. Там они намеревались продолжить избивание, но уже на глазах у посетителей. Но в это время там находились двое коммунистов-подпольщиков, которые хорошо знали и моего отца. Дело-то происходило в нашей округе, где люди хорошо знали друг друга. Они спросили:

- «А за что вы его били?»
- «А он назвал Гитлера австрийцем».
- «А кто это слышал?»
- «Моя жена».
- «Ну, жена-это не свидетель».

Фашизм еще только набирал силу, и этого вмешательства оказалось достаточно, чтобы они перестали мучить отца. Его привели домой, всего окровавленного. Потом выяснилось, что он получил сотрясение мозга. Всю оставшуюся жизнь его мучили сильнейшие головные боли. Мы сразу поняли, что нужно ехать в СССР. Тем более, что на следующий день после избивания моего отца в Берлине состоялся «еврейский бойкот». Это был день, когда ничего нельзя было покупать в еврейских магазинах. Людям давали войти в магазин, а на выходе избивали.

Подпольщики узнали отца, значит, он не скрывал своих убеждений.

Не только не скрывал, а даже ими бравировал. Он получал по подписке газету Rote Fahne и открыто читал ее на улице, когда этого было уже лучше не делать.

Мы сразу обратились в Советское консульство и в июне уже уехали.

Так легко было добиться разрешения?

А мы были советские граждане. Дело в том, что когда отец после плена попал в Германию, он не принял никакого другого гражданства. А когда в Берлин прибыл первый посол советского государства, папа принял советское гражданство. Мама, как его жена, мы - его дети, тоже автоматически стали советскими гражданами.

Был целый еврейский квартал. Там была хоральная синагога. Папа иногда водил нас туда, она славилась своими канторами. В 1938 году ее сожгли. Сейчас ее здание восстановили, там музей и общинный дом. На территории школы, где мы учились, был целый комплекс: женская школа, детский дом для девочек-сирот, кулинарная школа, поликлиника, учительский пансион. Я хорошо знаю этот пансион. Дело в том, то у меня был серьезный дефект речи. Я занималась в поликлинике с логопедом. Так как я жила довольно далеко от школы, моя учительница договорилась в пансионе, что они будут кормить меня обедом в те дни, когда у меня назначено занятие с логопедом. Именно там я научилась прилично вести себя за едой, пользоваться подставкой для ножей и вилок, салфеткой и т. д. Ведь, когда родители учат детей правильно есть, дети часто не обращают на них внимания. Был там же и дом для престарелых, гитлеровцы, придя к власти, убили всех его обитателей.

Расскажите, пожалуйста, какими людьми были ваши родители.

Моя мама была очень мягким человеком, замечательной хозяйкой.

На моей памяти она повышала голос всего три раза. Первый раз, когда папу стали избивать на ее глазах. Во второй раз это случилось уже в Ленинграде. Вскоре после того, как папу арестовали, к нам пришел управхоз и сказал, что нужно переделать ордер, потому что членов семьи стало меньше. Она буквально орала на него. А в третий раз она кричала уже на меня, но опять в связи с папой. Когда папу посадили, мы ходили в «Кресты», пытаюсь узнать хоть что-нибудь о его судьбе. Чаще всего ходила мама. Однажды я увидела, как к одной даме, стоящей в очереди подошел какой-то человек, видимо, сотрудник НКВД, и куда-то увел. После этого я этой женщины не видела. Я сказала маме, что больше ее к тюрьме не пущу, а буду ездить сама. Мама кричала на меня, а я каталась в истерике по полу. Я боялась лишиться матери, как лишилась отца. Из моего рассказа видно, что мама повышала голос только в исключительных случаях. У мамы был очень мягкий юмор. Отец был совсем другим человеком. Он был человеком добрым, но наделенным саркастическим умом. Он мог нас, детей и стукнуть. Злости в нем не было, но он был очень экспансивен. Многие на него обижались. Я папина дочка, но во мне его качества смягчены, наверное, потому что я - женщина.

Как звали родителей, где и когда они родились?

Отец - Еленевич Иосиф Абрамович, родился 7 июня 1888 году, в Иркутске.

Умер 23 декабря 1941 года в блокадном Ленинграде.

Мать – Берта Львовна (по документам Бредле Абрамовна, причем она сама не понимала, откуда взялось это имя, ведь ее отца звали Лев) Кессельман, родилась 17 марта 1888 года во Львове.

Умерла 6 марта 1942 года в блокадном Ленинграде

Какое у них было образование?

У мамы было начальное образование. Папа учился в хедере, а потом уже в Германии еще в каком-то учебном заведении, где приобрел специальность.

Какой был их родной язык? На каких еще языках они говорили?

Родной язык у них обоих был идиш.

Еще они знали польский, немецкий и русский.

Как они поженились? Их сватали?

Думаю, что да.

А свадьба была в синагоге?

Да, конечно у них была хупа. Более того, после хупы они не сразу зарегистрировались в государственном учреждении, и моя фамилия сначала была мамина - Кессельман.

Потом они зарегистрировались и мне дали папину фамилию.

Они были религиозны?

Да, мы отмечали все еврейские праздники вплоть до 1941 года. Одевались они, правда, всегда как светские люди.

Какова была финансовая ситуация вашей семьи?

Уровень нашего достатка был средний. В семье было трое детей, а работал всегда один отец. Все были сыты, обуты, одеты, дети учились. Но роскошно мы не жили никогда.

Папа сначала открыл в Берлине вдвоем с одним своим знакомым небольшую лавочку. Не помню, чем они торговали. Потом папин компаньон женился на очень уродливой, но страшно богатой девице и стал крупным купцом. С отцом они разошлись. А отец открыл небольшой магазин по торговле мануфактурой, а кроме того его часто приглашали на консультации.

Опишите вашу квартиру.

Это была обычная трехкомнатная квартира. Детская, спальня родителей и столовая. Мебель была обычная для того времени. Разумеется, у нас был водопровод, а вот центрального отопления не было. Мы топили печки. Была газовая плита, но когда нужно было много готовить, мама топила дровяную плиту. Никаких домашних животных мы не держали.

Никто никогда не помогал маме по хозяйству, хотя папа много раз предлагал маме нанять хотя бы приходящую прислугу. Она всегда отказывалась, ей не хотелось видеть в своем доме посторонних.

Какую роль в жизни Вашей семьи играли книги? Вы выписывали газеты, ходили в библиотеку?

Книги у нас были. Мы все любили читать, особенно папа. Но у него-то как раз почти не было времени на чтение.

Какого содержания были книги, светского или религиозного, на каких языках?

Когда мы жили в Германии, все книги были по-немецки, за исключением религиозных, которые были на иврите.

Что касается религиозных книг, то у папы был 12томник религиозных текстов, а у мамы такой же, но женский, меньшего формата. В библиотеки мы не ходили, газеты папа выписывал, в основном, коммунистические.

Какой Ваш родной язык?

Немецкий. Родители между собой тоже говорили по-немецки, а когда хотели от нас что-то скрыть, переходили на польский. У сестры родной язык тоже немецкий.

Выполняли ли ваши родители какие-нибудь функции в еврейской общине?

Мой отец прекрасно пел. Он был тем человеком, который в конце Субботы, с наступлением темноты пел гимн. До сих пор помню этот мотив.

Каковы были политические взгляды ваших родителей?

Пока мы жили в Германии, отец сочувствовал коммунистам. Когда мы приехали в СССР, он почти сразу сказал: «Какой ужас, куда я привез семью!»

Были ли они членами какой-либо партии или группы?

Нет.

Служил ли ваш отец в армии?

Конечно, он служил в армии и воевал. Он был кавалеристом и имел два георгиевских креста за личную храбрость.

Ваши соседи были, в основном, евреи?

Нет. Ведь мы не жили в еврейском квартале, в основном, соседи были немцы. С соседями мы всегда были в прекрасных отношениях. Про соседей, которые спасали нас

во время нападения на отца, я уже рассказывала. Была еще одна семья, там было двое взрослых сыновей. Этим парней погромщики пригласили вместе с ними избивать моего отца. Они отказались: «Нет, мы не так воспитаны, эти люди не сделали нам ничего плохого», сказали они. С тех пор я никогда не отождествляла весь немецкий народ с фашизмом.

С кем дружили и общались ваши родители?

Родственников у нас не было. Были друзья, знакомые, в основном, отца. У меня были школьные подружки.

А для родителей имело значение евреи или неевреи их друзья?

Наверное, имело, потому что почти все знакомые были евреями.

Родители ездили в отпуск?

В Германии не ездили никогда.

Вы знаете что-нибудь о ближайших родственниках ваших родителей?

У мамы были братья, они иногда приезжали к нам в Берлин в гости. Не помню про них ничего, кроме имен. Одного звали Яков, другого Лео. Помню папину сестру Хаву. Она сначала жила в Берлине, потом уехала в Польшу, в Ломжу откуда иногда приезжала к нам в Берлин в гости. Она была домохозяйкой, была замужем за адвокатом.

Где и когда вы родились?

Я родилась 11 апреля 1923 года в Берлине.

Вы ходили в детский сад?

До четырех лет я была дома с мамой, потом меня отдали в еврейский детский сад, а в шесть лет я уже пошла в школу. У нас не было никогда ни нянь, ни гувернанток.

Чем Вы занимались дома?

Когда мне был год, у меня уже родилась сестра. Разница в возрасте позволяла нам вместе играть.

Расскажите про Вашу школу.

Это была еврейская женская школа. Все предметы, кроме иврита и библейской истории преподавались по-немецки. Школа была восьмилетней, но я проучилась там только неполных пять лет.

Какие предметы вы любили?

Мне были интересны только гуманитарные предметы. Очень любила немецкий язык, иврит, а математику терпеть не могла.

Вы помните своих учителей?

А у нас была одна учительница по всем предметам, фройляйн Фани Бергас, она преподавала всему кроме пения и физкультуры. Кстати, на уроках пения нас учили играть на флейте. К сожалению, я этому так и не научилась. Никакого антисемитизма в нашей школе не было и быть не могло.

Чем Вы занимались помимо школы?

Я ходила в воскресную школу, где изучали иврит более глубоко, чем в моей школе. Там же изучали и историю еврейского народа.

А с кем Вы дружили?

В основном, с девочками из класса. С одной из них мы жили на одной улице, с ней и общались больше всего.

А чем вы занимались с Вашими друзьями после школы?

Я два раза в неделю ходила к логопеду, кроме того ходила в воскресную школу

У Вас было хобби?

Я ничем особенно не увлекалась.

Вы занимались культурной, спортивной или общественной деятельностью?

Я никогда не любила спорт.

Как вы проводили отпуска и выходные?

Почти все свободное время мы проводили с родителями. Чаще в городе, иногда выезжали за город. Раз в год школа вывозила нас всех на пикник с ночевкой. Это было

незабываемо. Ночевали мы не в палатках, а в домах, но мы все равно были в восторге. С родителями мы подолгу гуляли. Недалеко от нашего дома был очень красивый парк, это было наше любимое место. Папа водил нас на аттракционы. Несколько раз летом нас с сестрой во время каникул отправляли на Балтийское море с Русско-Еврейским Эмигрантским Обществом. У папы был в этом обществе знакомый по фамилии Окс, кстати, он потом уехал в Палестину. По его протекции (ведь мы не были эмигрантами) мы ездили на Балтийское море и в Тюрингию. Мы проводили там по полтора месяца. В Тюрингии мы жили в католическом доме отдыха.

Помните ли вы, когда вы первый раз ехали на автомобиле, поезде, были в ресторане?

Мы постоянно ездили на автобусе. Автомобилем пользовались только в исключительных случаях. Помню, сестра повредила себе руку, мама повезла ее к врачу. Захватила и меня. Это было примерно в 1930 году. Т. е. поездка на автомобиле была настоящим событием. А поездка на поезде была делом привычным: всегда за город ездили на пригородном поезде.

В рестораны мы не ходили никогда. Зачем нам рестораны, когда у нас мама шеф-повар.

Расскажите про сестру и брата.

Моя сестра родилась 18 мая 1924 года в Берлине. Умерла в 1996 году. Ее звали Маргот. Она была очень красивая, в отличии от меня. Она ходила в ту же еврейскую школу, что и я. Потом уже в Ленинграде перед войной она успела кончить 9 классов. После войны она пошла учиться в фармацевтический техникум. Всю жизнь работала фармацевтом. Она была дважды замужем. Ее первый муж был кинооператором. Прошел всю войну. Звали его Владимир Александрович Гальперович. Он рано умер от обширного инфаркта в возрасте 57 лет. (1914-1974). Детей у них не было. В 1974 году сестра вышла замуж во второй раз. Ее второй муж был старше на 13 лет. Звали его Абрам Супян. Он умер в возрасте 90 лет. Они уехали в Израиль в 1976 году. Сестра умерла во время тяжелой операции на сердце. Операция длилась семь с половиной часов, и она не вышла из наркоза.

Брат родился 23 ноября 1931 года. Умер 24 апреля 1942 года в блокадном Ленинграде. Звали его Лео.

Вы соблюдали традиции?

Мы соблюдали все еврейские традиции до 1941 года и в Германии, и в России. Субботу мы соблюдали только в Германии, в СССР уже не получалось, все работали, приходили в разное время. В синагогу родители ходили обязательно. Нас тоже учили. Я знала очень много молитв. Хорошо помню обрезание брата. Он, бедненький, так плакал!

А какой праздник вы особенно любили?

Любила я все праздники и до сих пор считаю, что еврейские праздники очень объединяют семью. У нас была и пасхальная посуда, тоже в Германии, разумеется.

А кто приходил на праздники к вам в Германии?

На праздники к нам приходила одна наша знакомая, вдова. Мы тоже иногда ходили в гости, но предпочитали проводить праздники дома.

Расскажите о вашем возвращении в СССР.

Отец всю жизнь сочувствовал коммунистам, если бы не мама, он и без погромов с удовольствием бы вернулся в СССР. А мама была категорически против. Причина была в том, что она была очень верующей, а как в СССР относятся к религии было хорошо известно. Но после прихода к власти Гитлера, стало понятно, что выбора у нас нет.

Из Берлина мы выехали в Гамбург. Мы плыли на пароходе «Герцен». Пароход был не пассажирский, условия были неважные. Всю нашу мебель мы отправили из Берлина. Сшили много теплых вещей. Ехали на мороз. Плыли мы трое суток, причалили

в ленинградском порту. Обнаружили, что нас никто не ждет. Куда идти, где спать, что есть-ничего неизвестно. Кто-то сказал, что нужно ехать в Смольный. Поехали в Смольный к председателю Исполкома. Папа оставил нас на улице с вещами, сам пошел внутрь. Была ночь, но ночи в Ленинграде в это время года белые. Нас направили в гостиницу «Северная» на улицу Восстания. Там мы прожили несколько дней. А денег-то у нас не было ни гроша.

Потом нас направили в ОЗЕТ на улице Некрасова. Там нас поселили в бухгалтерии. С нами на пароходе плыли англичане и один американец, так их встречали в порту. С нами так обращались потому, что мы были советскими гражданами. Там мы прожили 2 или 3 месяца. Обедать мы ходили в Смольный. Там нас кормили бесплатно, но только обедами. Мама продавала наши вещи на рынке. Папа устроился мастером на завод по производству тканей.

Нас с сестрой устроили в немецкую школу на Крюковом канале. Первая смена была немецкая, а вторая русская. Я пошла в третий класс, а сестра во второй. Школа была замечательная! Все предметы кроме русского языка преподавались на немецком языке. До сих пор помню нашу учительницу русского языка Анну Иосифовну Пинскер. Ей было уже за 80 лет, она жила в Пушкине. Именно благодаря ей я выучила русский язык. Эту школу, так же как и другие национальные школы, закрыли в 1937 году.

А живем тем временем все еще в бухгалтерии. Дети, знаете ли, есть дети. Им везде хорошо. Их накормят, умоют, положат спать. А вот маме доставалось. Мама-то не имела привычки советских женщин к неустроенному быту. Она готовила давно на газовой плите. А тут ей пришлось осваивать примус. Купили примус, установили его в коридоре. Мама научилась его прочищать иголкой. Когда папа ходит по инстанциям и просит, чтобы нам предоставили жилплощадь, ему говорят: «Вы родились в Иркутске, туда и поезжайте». Папа пошел в синагогу, он понимал, что там он сможет получить благожелательный совет. А там ему сказали: «Если вам тут дадут даже подвал, это все равно лучше, чем хоромы в Иркутске. В Иркутске Вы погубите семью. В СССР можно жить в Москве, Ленинграде, Киеве и Харькове. Во всех других городах - голод». Папа пошел на прием к Козицкому, который в то время был председателем Горисполкома. Когда отец вошел в кабинет, Козицкий пил чай с пирожным. Но недаром мой отец был Георгиевским кавалером, он ничего и никого не боялся. Увидев нагло развалившегося в кресле Козицкого, который не предложил ему даже сесть, папа стукнул кулаком по столу так, что стакан с чаем и тарелочка с пирожными разлетелись в разные стороны. Отцу тут же выдали на выбор ордера на 4 разные комнаты. Родители выбрали 2 комнаты, 10 и 12 метров на Васильевском острове. Все соседи были очень приличными людьми, кроме еврейской семьи. До революции в этой квартире жила княгиня, которая эмигрировала за границу. В квартире осталась семья ее экономки Дарьи Николаевны, которая занимала лучшие комнаты в квартире. Еврейская семья - родители и трое детей жили в комнате площадью 18 метров. Родом они были из Жлобина, отец был сапожник. Они сразу стали атеистами. Смеялись над нами за то, что мы не едим свинину.

А мои родители продолжали соблюдать традиции, старались покупать кашерное мясо, ходили в синагогу регулярно. Субботы отмечать, разумеется, не могли. Но пасхальная посуда, привезенная из Германии, всегда хранилась в специальном ящике.

Вскоре маме тоже пришлось пойти работать, отец не мог один прокормить семью. Она устроилась гардеробщицей в парикмахерскую. Мы переехали в другую квартиру, где у нас была одна комната, но большая и солнечная.

У папы появились друзья, в основном, по работе. У нас с сестрой тоже было много подруг.

Одна моя школьная подруга жива до сих пор. Мы много гуляли по городу, ходили в музеи, в театры. Помню мы с сестрой пошли Кировский театр, на «Лебединое озеро», но не попали, а вместо этого пошли во Дворец Культуры недалеко от Кировского на спектакль театра Михоэлса «Гершеле Острополер». Было очень смешно,

мы смеялись всю дорогу домой и дома никому не давали спать. Летом мы ездили в пионерские лагеря. А брат выезжал на дачу с детским садом. Папа два раза ездил в санаторий, ему давали путевку от работы. Мама ездила в дом отдыха. Дачу мы не снимали ни разу в жизни.

Как я уже говорила, нашу школу закрыли в 1937 году. Всех учеников перевели в их районные школы. Я к этому времени знала русский язык очень хорошо, а сестра несколько хуже. Я очень хорошо писала сочинения, меня всегда ставили в пример.

К 1937 году вокруг нас стал образовываться вакуум. Всех кругом арестовывали. Но пока еще жизнь продолжалась. Летом 1938 года брат уехал на дачу с садом. Мы с сестрой в Сиверскую в лагерь на целое лето. Вернулись, довольные и счастливые домой, через два дня после нашего возвращения арестовывают отца. Пришли за ним ночью, перевернули весь дом. Забрали папины гомеопатические лекарства. Мы, разумеется, понимали и раньше, что отца должны арестовать. В стране, где сажают всех без разбору, не может уцелеть человек с такой судьбой, как мой отец. Мне было 15 лет, но я очень хорошо соображала. Забрали его в Кресты, и начались наши хождения по мукам. Каждые десять дней я туда ездила. Раз в десять дней подходила очередь нашей буквы. Ахматову я там встретить не могла: она приходила на букву «Г», а я на букву «Е». Я приезжала к тюрьме с первым трамваем, а многие приходили с вечера. Долгие часы стоишь в очереди, хорошо помню, что я, чтобы скоротать время читала «Отверженных» Виктора Гюго. Наконец подходишь к окошечку, говоришь в него Еленевич, Иосиф Абрамович, год рождения 1888, город Иркутск и передаешь деньги. Если деньги берут, значит отец жив и никуда на переведен. Однажды деньги у меня не взяли. Мне сказали: «Его здесь нет». «А где он?». «Проходите, следующий!» Я была очень храброй девочкой и пошла к начальнику тюрьмы по фамилии Иванов. Пусть этому Иванову земля будет пухом! Он выслушал меня, куда – то ушел, вернулся и сказал: «Твой отец выслан на Дальний Восток на 10 лет без права переписки». Многие годы спустя мы узнали, что такой приговор означал расстрел. Тогда я этого не знала, но, тем не менее упала в обморок. Меня привели в чувство, я вернулась домой, рассказала все маме. В следующий раз поехала мама, и деньги у нее неожиданно взяли.

Позже выяснилось, что в тот день, когда мне сказали, что он выслан, четыреста заключенных и его, в том числе вывезли на вокзал и погрузили в вагоны. Внезапно его сняли с поезда и вернули в Кресты. Может быть, сыграло роль, что пока отец был в тюрьме, я писала десятки писем. Я писала, Сталину, Берии, Молотову. Хочется думать, что именно мои письма помогли папе. С отцом в камере сидел один адвокат. Его отпустили, и он каким-то образом узнал, что дело отца будет разбирать суд, случай по тем временам небывалый. Этот человек пришел к нам домой и назвал место и время слушания дела. Мама с сестрой пошли на этот суд. В зал их не пустили, но отца освободили прямо в зале суда за отсутствием состава преступления. Провел он в заключении один год.

А где Вы работали?

Когда папу посадили, стало ясно, что маме одной не справиться. Прежде всего, я перешла в вечернюю школу. Со мной в классе учился огненно-рыжий мальчишка, Ваня Васильев. Он работал поваром на фабрике-кухне. Он помог мне устроиться на работу через комсомольскую организацию. Меня взяли в бухгалтерию помощницей счетовода. У меня была очень хорошая начальница. По утрам я должна была ходить по цехам, собирая всякие документы. В каждом цехе меня хотели чем-то покормит. Мне давали булочки, простоквашу, мороженое. Мне было очень неловко, но я понимала, что мне все желают добра.

У Вас появились друзья?

Я очень подружилась с сестрой моей начальницы.

У Вас были конфликты из-за вашего еврейства?

Никакого антисемитизма я не испытывала.

Расскажите про мужей.

Мой первый муж Анатолий Борисович Каневский родился в 1920 году в Петрограде. Он был переводчиком с английского и немецкого языков. Мы познакомились в доме отдыха, прожили мы вместе 4 года. Он умер в 1992 году. Мой второй Муж Арон Семенович Лаветер. Он родом из Риги. Родился он 23 февраля 1915 года, умер 20 марта 2003 года в Петербурге. По профессии он был механик. Но эта профессия не давала возможности прилично заработать, поэтому он пошел учиться на шофера. Он прошел всю войну, воевал на «Катюшах». Он был женат, жена его умерла в 1974 году. Жили они в Бишкеке, куда эвакуировали его семью. Жена отказалась возвращаться в Ригу, она боялась войны и думала, что война начнется с Запада. Мы познакомились в 1977 году. Нас познакомили. А в 1979 году мы решили пожениться.

Когда немцы подходили к Велижу, мать моего мужа, его сестра и его первая жена с крошечной дочкой на руках ушли пешком из родного городка. Но мать вернулась, она сказала, что будет ждать своего сына дома. Дождаться сына ей не пришлось: вместе с другими евреями Велижа согнанными в сарай, она была сожжена заживо 29 января 194 года.

Я хочу рассказать о том, что произошло с моим мужем и его первой женой. Когда такие истории читаешь в романах, думаешь, что у автора излишне разыгралась фантазия. Но все это было на самом деле.

Жена получила на него 2 похоронки. Она стала получать пенсию на ребенка. Он тоже ее не искал, зная, что их родные места сравнивали с землей. Сестра мужа жила в Казани, в 1946 году он заехал повидаться с сестрой. Она стала его уговаривать остаться в Казани. Но ему там очень не нравилось, и он уехал в Ригу. Вскоре забрал к себе сестру. Стал работать шофером. Сестра преподавала английский язык в Академии Гражданской Авиации. Все уговаривали Арона жениться. Ведь после войны было столько одиноких женщин. Но его что-то прямо не пускало. Однажды он с Риввой (сестрой) пошли в кино. Перед сеансом показывали военную хронику. В титрах они прочли надпись «Кинооператор М. Беров, Минск». Это фамилия родного брата жены моего будущего мужа. Арон поехал в Минск. Узнал адрес Михаила Семеновича, пошел к нему домой, застал в сборе всю семью. Они говорят: «Твоя Маня жива, а твоя дочка в этом году пойдет в школу». Арон поехал в Ригу, они послали во Фрунзе телеграмму и вместе с сестрой поехали во Фрунзе. В тот момент, когда они вошли в квартиру, почтальон принес пенсию, которую поучала девочка за погибшего отца. Арон сказал: «Не надо денег, я живой». Жена отказалась вернуться в Ригу, Арон остался во Фрунзе, работал шофером, пока хватало сил, хотел заработать денег, чтобы построить дом. Потом стал работать механиком. Всегда очень много читал, был образованным человеком.

Первая жена моего мужа умерла в 1974 году.

Мой муж родился в Риге. Его отец был большевиком, он ушел на Гражданскую войну и погиб. Муж мой его не помнил. Мать с двумя детьми переехала в город Велиж Смоленской области. Было это в 1917-1918 году. Позднее. Уже, будучи взрослым, Арон столкнулся с большими трудностями из-за того, что родился в Риге, т. е. за границей. Тогда он по совету своего друга сделал вид, что потерял паспорт, ему выдали новый, где было записано, что он родился в Велиже. Мать устроилась работать на сушильный завод, там сушили овощи и фрукты. Директор завода жалел бедную вдову с двумя детьми и помогал ей чем мог, в основном, продукцией своего предприятия. В провинции было много таких заводов. Жили они в настоящей нищете, чуть легче стало, когда Арон окончил техникум и стал работать механиком на заводе. Он мне рассказывал, что очень боялся пожаров: здание и многое оборудование были деревянными. Боялся он не самого пожара, возможного обвинения во вредительстве. Кроме того, труд шофера оплачивался гораздо лучше. По этим причинам он переучился на шофера.

Расскажите про свою жизнь перед войной. Когда Вы впервые столкнулись с проявлениями антисемитизма?

Мне, наверное, очень повезло с людьми, которые меня окружали и с местами, где я работала. До войны, как известно, государственного антисемитизма не было. А после войны, когда от него многие страдали, я работала на заводе «Красногвардеец» по производству медицинских приборов. Директором был Георгий Муданов, армянин, который брал на работу евреев, когда их уже никуда не принимали, и отказывался увольнять своих сотрудников по национальному признаку. Однажды его вызвали в райком партии и сказали, что у него завышен процент евреев среди сотрудников. Директор сказал, что скорее даст исключить себя из партии, чем выполнит их требования. У его завода в городе была репутация учреждения, «куда берут».

После фабрики-кухни я работала на заводе «Красный Октябрь». Это было очень известное предприятие по производству пианино. Работала я тоже счетоводом. Потом я работала в техникуме киномехаников и кинотехников при институте киноинженеров. Там я познакомилась с очень интересными людьми, я же была девчонка, мне все было в диковинку. Оттуда я уволилась, когда перешла в 10 класс, чтобы хорошо окончить школу и поступить в институт.

Расскажите, где вы были во время Холокоста и что с вами происходило?

Я действительно поступила в Первый Медицинский Институт. Был 1941 год. Проучилась я там недолго. До начала учебного года нас с сестрой посылали рыть окопы. Мы провели там два месяца. Институт мне пришлось бросить, т. к. он эвакуировался, а я уехать никуда не могла: вся моя семья лежала, умирая от голода. Я поступила на курсы по подготовке медсестер и некоторое время после их окончания работала в больнице. К этому времени я уже тоже очень ослабела, и работу вскоре пришлось бросить. К весне 1942 года умерли все мои родители и брат. Мы с сестрой выжили, но сестра не вставала. Я устроилась чернорабочей на работу на завод «Вперед» (среднего и легкого машиностроения), который находился совсем рядом с нашим домом, я могла до него добраться. Там я проработала совсем недолго и потеряла пропуск. Все заводы считались военными объектами, потеря пропуска могла грозить серьезными неприятностями. Я пошла к директору, у него сидел секретарь партийной организации. Они встретили меня очень приветливо, расспросили про мою семью и решили, что меня нужно послать в столовую на усиленное питание и вызвали врача. Врач сказал, что меня нужно немедленно положить в больницу. Меня и сестру, которая была в гораздо худшем состоянии, чем я отправили в военный госпиталь, который выделил 800 мест для ленинградцев, находящихся на последней стадии дистрофии. Это был май 1942 года, уже ходили трамваи, иначе нам было бы до госпиталя не добраться. Никогда не забуду, как нас там встретили. Нас вымыли, одели во все новое и чистое. В палате лежало по 50 человек. Мы провели там 2 месяца. Кормили в госпитале 3 раза в день и давали по 600 граммов хлеба. 22 июля 1942 года мы эвакуировались. Нас повезли в Сибирь. На всех больших станциях было организовано питание. Когда я в Вологде возвратилась со станции в наш вагон с обедом, я не увидела сестру. Оказалось, что ее сняли с поезда санитары, приняв за покойницу. Я побежала в госпиталь и увидела сестру, лежащую на койке, к этому времени разобрались, что она жива. Я едва успела вскочить в вагон и через 2 месяца она приехала ко мне в Сибирь. В эвакуации мы оказались в Новосибирской области, в селе Маслянино. Все эвакуированные собрались в школе, туда приходили местные жители и выбирали себе постояльцев. Не хочу даже говорить про эвакуацию. Хотя именно эвакуация и спасла нам жизнь. Скажу только, что я научилась там и колоть дрова, и топить печку, и выращивать овощи.

Когда вы вернулись?

Мы вернулись в Ленинград 1945 года. Как выглядел город, рассказывать не буду, об этом много написано.

Где вы поселились, что стало с Вашим имуществом?

Вернуться в свою комнату мы не могли, т. к. она была занята человеком, вернувшимся с фронта. Одним из преступлений нашего государства я считаю то, что оно не признавало блокадников пострадавшими во время войны. Мы зашли домой, чтобы забрать кое-что из вещей. Я сняла с потолка нашу люстру, взяли посуду кровати. Жить мы стали у знакомых по эвакуации, потом я нашла свою довоенную подругу, и мы переехали к ней.

Как отнеслись к Вашему возвращению ваши соседи?

Почти все соседи умерли. На наш приезд никто не обратил внимания.

Как вы стали жить?

Я устроилась на работу в Фармацевтический Институт. Директор института предлагал мне поступить туда учиться, но мне нужно было зарабатывать на себя и сестру. А вот сестра пошла учиться в Фармацевтический техникум. Там ей дали общежитие. После окончания техникума, она уехала работать в Приозерск. Там ей дал и комнату. А я не имела своего угла 14 лет. Первую комнату в коммунальной квартире мне дали в 1959 году.

Каковы были Ваши политические взгляды тогда и во что Вы верили?

Насчет советского режима я никаких иллюзий не питала. Мне кажется, что у меня была в то время такая тяжелая жизнь, что у меня не было ни времени, ни сил, чтобы задуматься о чем-либо не имеющем прямого отношения к каждодневным заботам. Понимаете, ведь мы были нищими и бездомными.

Расскажите о своей учебе после войны.

В 1955 году я поступила на заочное отделение Финансово-Экономического Института. Закончила его в 1959 году. Этот год был для меня знаменательным: я получила и комнату, и высшее образование. А на заводе «Красногвардеец» я проработала с 1948 по 1980 год.

Как менялись ваши должности?

Сначала я работала бухгалтером, потом старшим бухгалтером, потом экономистом. Я не занимала больших должностей и не стремилась к этому. Я считалась хорошим специалистом, всегда была на хорошем счету. Я работала всегда с удовольствием, но выход на пенсию дался мне легко. Если бы я хотела, я могла бы продолжать работать, меня никто не гнал. Но у моего мужа был дом во Фрунзе, он никак не мог решиться его продать. Мы жили в двух городах: Арон Семенович приезжал ко мне зимой, а к нему летом. Пока я работала, мне приходилось брать отпуск за свой счет, а после выхода на пенсию я ни от кого не зависела и жила у него по полгода. В 1982 году он, наконец продал дом и перебрался ко мне окончательно. На пенсию он вышел, живя во Фрунзе, в Ленинграде никогда не работал.

В каком году вы первый раз вышли замуж?

В 1965 году и прожила в этом браке 4 года, потом мы развелись. Жили мы с мужем в моей комнате.

Были ли у Вас конфликты из-за вашей принадлежности к еврейству?

У меня на работе никогда не было конфликтов из-за моей принадлежности к еврейству. При поступлении в институт я тоже не испытывала никакой дискриминации. Может быть, потому что поступала на заочное отделение. Да и Финансово-Экономический Институт, который теперь поднят на недосягаемую высоту, тогда особым спросом не пользовался.

Была ли принадлежность к еврейству важна для Вас при выборе друзей и супруга? Какой процент евреев был среди ваших друзей? Каков этот процент среди Ваших друзей сейчас?

Я никогда не интересовалась национальностью своих друзей, это не имело для меня ровно никакого значения. Что же касается процентного содержания евреев среди моих друзей, то я не только не могу, но и не считаю возможным с чисто этической точки зрения отвечать на такой вопрос. Подумайте сами, мне предлагается применить математический аппарат к дорогим мне людям, большинства из которых нет в живых! Нет уж, увольте!

А вот выйти замуж я могла только за еврея. Мой отец говорил: «Смотрите, чтобы в нашей семье не было интернационала. Друзья - дело другое, но семья должна быть еврейской. Ты проживешь с ним 20 лет, а потом он назовет тебя “жидовской мордой”».

Соблюдали ли вы какие-нибудь традиции после войны? Отмечали праздники?

После войны мы не соблюдали традиции, не отмечали еврейские праздники. Иногда с сестрой ходили в синагогу, но такое случалось крайне редко.

Сестра вышла замуж за кинооператора, он снимал фильмы о ленинградской области и много по области ездил. Однажды, приехав в Приозерск, он встретил мою сестру и полюбил ее, ведь она была настоящая красавица. Вскоре они поженились. Они переехали в Ленинград и стали жить в квартире ее мужа. Работала она всегда в аптеке фармацевтом. В Израиле они со вторым мужем жили в Кирьят-Яме.

Как стабилизировалась ваша жизнь после 50 годов.

В эти годы я получила первую в своей взрослой жизни комнату, окончила институт.

Как вы реагировали на войны в Израиле?

Победы Израиля в войнах 1967 и 1973 года имели для меня большое значение. Я всю жизнь интересовалась историей еврейского народа и всегда очень хотела, чтобы у евреев было собственное государство. У меня были друзья, которые одно время жили в Палестине, когда никакого Израиля еще не было и в помине. Позже они переехали в СССР. Так они рассказывали, что арабы постоянно нападают на мирные еврейские сельскохозяйственные поселения. Поэтому мои симпатии были на стороне евреев не только по зову крови. Мы были счастливы, когда Израиль одерживал свои славные победы. Со мной на заводе работал один человек, который, будучи на действительной военной службе участвовал в войне 1967 года на стороне арабов. Он мне говорил: «Зента Иосифовна, от нашей военной техники остался металлолом. Нам у евреев учиться и учиться воевать».

Я не бывала в Израиле до 1989 года, но постоянно переписывалась с семьей сестры.

Родственников на западе у нас не было.

Как вас затронули события 1989 года? Берлинская стена? Демократизация?

Падению Берлинской Стены я очень радовалась. Согласитесь, это же патология, когда одна страна и один народ искусственно разделены. И когда началась перестройка у нас в стране, мы на что-то надеялись. Я считаю, что наши надежды во многом оправдались. И, несмотря на то, что многое в сегодняшней жизни меня огорчает, а такие вещи, как возрождение фашизма просто пугают, я не хочу возврата к прошлому. Не дай Бог!

Что изменилось в Вашей жизни в связи с принадлежностью к еврейству?

Я всегда считала себя еврейкой. Я всегда интересовалась всем тем, что имеет отношение к еврейству. Разумеется, сейчас больше литературы, есть много газет. Все это меня очень радует.

Я связана с жизнью Петербургской еврейской общины через Хесед. Раз в две недели меня на машине от самого дома отвозят туда в дневной Центр. Там я провожу целый день. Мы там завтракаем, обедаем, но, что самое главное, общаемся друг с другом. Для нас устраивают лекции и концерты в самом хеседе, и, кроме того возят на очень интересные экскурсии. Мы видели Янтарную комнату в Екатерининском дворце

Пушкина, скоро нас повезут на недавно открывшуюся выставку Шагала. Раньше я получала большие продуктовые посылки, а теперь посылки бывают крайне редко, да и размер их значительно уменьшился. Как-то выдали пакет с самыми необходимыми лекарствами. Никакой денежной помощи из Германии или Швейцарии я не получала.

Помните ли вы свои ощущения во время Венгерской революции, Пражской весны? Что Вы чувствовали, когда умер Сталин? Во время дела врачей?

Я хорошо помню день смерти Сталина. На работе всех согнали на митинг. Идиоты-мужики стоят и рыдают! Я постояла и ушла. Не могу сказать, чтобы я была рада, всегда есть опасность, что будет еще хуже, но жалко мне его не было ничуть. Вот во время Дела врачей был настоящий ужас. Однажды я ехала в автобусе, и один человек такое говорил про евреев! Было по-настоящему страшно! В воздухе пахло погромом. Что же касается Венгрии, Чехословакии, а потом и Афганистана, то я не верила ни одному слову советской пропаганды.

Вы ездили за границу?

Я ездила по путевкам в Чехословакию и Венгрию и в ГДР по частному приглашению. Первый раз, когда я собиралась в ГДР, это был 1986 год, мне отказали. Я устроила в ОВИРе огромный скандал. Я кричала на них: «Вы-то ездите в свои деревеньки обнимать березки, почему я не могу поехать туда, где прошло мое детство!» Это, конечно, ничего не изменило, но я получила удовольствие.

У вас были друзья, с которыми вы могли и хотели говорить об иудаизме, еврействе и Израиле?

Всегда со своими друзьями, среди которых были и евреи, и русские, я могла говорить о чем угодно. Естественно мы говорили и о Израиле, и о иудаизме. Зачем нужны друзья, если с ними не говорить о том, что тебя волнует и интересует.

Вы умеете готовить еврейские кушанья? Какое блюдо ваше любимое?

Я очень хорошо готовлю, могу приготовить любое еврейское кушанье. К сожалению, готовить мне не для кого.

Ваш муж похоронен на еврейском кладбище?

Я не похоронила мужа на еврейском кладбище, Я последняя в роду, после меня никого не останется. Мне нужно было обязательно кремировать тело Арона Семеновича и поместить урну с его прахом в колумбарий, чтобы уход за местом его упокоения был минимальным. С похоронами мне очень помог военкомат.

Расскажите, пожалуйста, про то, как вы с мужем проводили отпуска.

Когда у мужа был дом во Фрунзе, мы проводили все отпуска там. А потом мы ездили на разные курорты, чаще всего в Прибалтику.